

УДК 343.985.2
DOI 10.36511/2078-5356-2020-2-160-163

Смирнова Юлия Александровна
Julia A. Smirnova

преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

teacher of the department of operational and investigative activities of internal affairs bodies
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Amkudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: www.yulia-smirnova@mail.ru

О проблемах международного полицейского сотрудничества по вопросам розыска без вести пропавших лиц

On the problems of international police cooperation on the search for missing persons

В представленной публикации приводятся статистические данные результатов исполнения запросов о розыске без вести пропавших лиц, находящихся за пределами страны — инициатора розыска. Акцентируется внимание на некоторых правовых проблемах, влияющих на результативность межгосударственного и международного розыска лиц. Даны предложения по совершенствованию деятельности оперативных сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: международный розыск, проблемы розыска, розыск без вести пропавших лиц, проблемы розыска, проблемы сотрудничества.

The presented publication provides statistical data on the results of the execution of requests for the search for missing persons located outside the country initiating the search. Attention is focused on some legal issues that affect the effectiveness of interstate and international tracing of persons. Suggestions are given for improving the activities of operational employees of internal affairs bodies.

Keywords: international search, search problems, search for missing persons, search problems, cooperation problems.

Практическим работникам органов внутренних дел Российской Федерации все чаще приходится сталкиваться с необходимостью осуществления розыска без вести пропавших лиц за пределами страны.

Так, если в 2014 году по запросам органов внутренних дел Российской Федерацией на территории участников — стран Интерпола разыскивалось 170 без вести пропавших, то к 2020 году необходимость проведения розыска за границей увеличилась почти в два раза.

Возможности розыскного потенциала собственных сил не позволяют осуществлять оперативно-разыскные мероприятия, направленные на установление скрывшихся лиц на территории иностранного государства. В этой связи требуется тесное сотрудничество между национальными и зарубежными сотрудниками полиции.

Проблемной стороной данного факта является то, что результативность розыскной деятельности, затрагивающей интересы правоохранительных органов различных государств, недостаточно эффективна.

Согласно данным НЦБ Интерпола МВД России, по запросам российских правоохранительных органов за рубежом в 2014 году за рубежом установлено 18 из 170 граждан, объявленных в розыск органами внутренних дел Российской Федерации (эффективность составила 10,6%), в 2015 году — 9 из 185 (4,9%), в 2016 году — 5 из 193 (2,6%), в 2017 году — 11 из 229 (4,8%), в 2018 году — 3 из 246 (1,2%), в 2019 году — 2 из 286 (0,7%). На 1 февраля 2020 года остается не установлено местонахождение 272 без вести пропавших лиц, объявленных в международный розыск.

© Смирнова Ю.А., 2020

Сотрудничество предполагает двустороннее исполнение запросов. Однако также недостаточно высоки и результаты розыска на территории Российской Федерации лиц, без вести пропавших. Вместе с тем, в статистических данных наблюдается положительная динамика. Так, если в 2014 году на территории Российской Федерации было установлено лишь 9 без вести пропавших лиц, разыскиваемых зарубежными правоохранительными органами, то в 2019 году — 30.

Динамичное развитие сотрудничества между правоохранительными органами государств — участников СНГ по вопросам розыскной деятельности позволило установить местонахождение 3 561 пропавших без вести, в 2018 году — 4 042, в 2019 — 4 563 разыскиваемых. Статистические данные МВД России не содержат точных данных о лицах, объявленных в межгосударственный розыск, так как лица, находящихся в федеральном розыске на территории Российской Федерации, одновременно являются объявленными в межгосударственный. Вместе с тем, ежегодно среди всех разыскиваемых лиц только иностранных граждан и лиц без гражданства насчитывается свыше 8 тысяч, что свидетельствует о необходимости усиления взаимодействия [1].

По мнению Г.Х. Шаутаевой, для увеличения результативности международного сотрудничества необходимо вырабатывать и развивать доверительное отношение к системе норм, которое бы позволило на должном уровне регулировать взаимодействие [2, с. 189].

В международном общении России с иностранными государствами не сложилась практика заключения специальных договоров или соглашений по вопросам розыска и идентификации лиц.

Как правило, соответствующие нормы включены в договоры, конвенции, соглашения, меморандумы более общего плана и относятся к вопросам борьбы с отдельными категориями преступлений. В настоящее время насчитывается свыше 800 договоров, заключенных МВД России с зарубежными партнерами по вопросам сотрудничества в сфере борьбы с общеуголовной преступностью. Однако эти соглашения содержат лишь упоминание о розыске без вести пропавших лиц.

По данным нашего исследования, 40,5% респондентов из числа оперативных сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации указали, что именно многообразие правовых норм и отсутствие их систематизации создают трудности при розыске лиц [3].

На эту проблему еще сорок лет назад обратили внимание А.И. Алексеев и Г.К. Синилов, указав, что обилие бессистемного правового материала дает почву для возникновения противоречий и пробелов в нормативном регулировании оперативно-розыскной работы [4, с. 5].

Но реалии законодательной базы таковы, что в настоящий период наблюдается лишь увеличение количества правовых норм, регламентирующих вопросы сотрудничества в борьбе с преступностью.

За последние пять лет для укрепления договорно-правовой базы Российская Федерация заключила ряд важных двусторонних соглашений, предусматривающих розыск лиц. К ним относятся: соглашение с Республикой Кипр, договор с Республикой Абхазия и др.

Вместе с тем, соглашения о сотрудничестве носят унифицированный характер, при этом установление местонахождения лиц осуществляется путем выполнения оперативно-розыскных мероприятий и процессуальных действий только по уголовным делам, не затрагивая вопросы розыска по делам оперативного учета.

Это положение затрудняет порядок розыска лиц, а в некоторых случаях приводит к тому, что исполнение запросов в рамках дел оперативного учета невозможно.

Одним из ярких примеров этому могут служить материалы запроса в правоохранительные органы республики Эстонии о получении сведений из медицинских учреждений о наличии у разыскиваемого без вести пропавшего гражданина К. хронических заболеваний. В ответ на запрос были получены сведения, что личные данные из медицинских учреждений возможно получить, используя только уголовно-процессуальные действия. В связи с тем что возобновление уголовного дела только для получения сведений из медицинских учреждений нецелесообразно, то этот вопрос в рамках дела оперативного учета остался без разрешения [5].

К числу международных актов, закрепляющих возможность осуществлять сотрудничество по делам оперативного учета, относятся межведомственные двусторонние соглашения МВД России с компетентными органами иностранных государств: Литвы, Латвии, Туркменистана, Польши, Индии, Украины, Албании, Македонии, Словацкой республики, Армении, Вьетнама [6].

Соглашения с этими странами предусматривают упрощенный порядок направления запросов об оказании содействия и обмене информацией о разыскиваемых лицах, минуя координирующие органы. Безусловно, эти положения способствуют

ют успешной реализации розыска. Однако по различным причинам до настоящего времени с правоохранительными органами некоторых зарубежных стран еще не сложились договорно-правовые отношения. И пока эти вопросы законодательно не урегулированы, полицейские службы применяют «официальные» договоренности для решения розыскных задач.

Примером такого сотрудничества могут служить результаты розыска несовершеннолетних детей, находящихся в местах вооруженных конфликтов на территории Республики Ирак и Сирийской Арабской Республики. Несмотря на то что соглашение о сотрудничестве между министерствами внутренних дел Российской Федерации и данных стран не подписано и не вступило в законную силу, положительные результаты деятельности в данном направлении имеются. Согласно достигнутым договоренностям между правительствами стран в 2019 году состоялся вывоз трех групп несовершеннолетних, находившихся в женской тюрьме и детском приюте в Багдаде. В общей сложности в Россию из Республики Ирак удалось вернуть 122 несовершеннолетних [7, с. 40].

Считаем, что для успешной реализации розыска следует продолжить политику разработки и заключения межведомственных соглашений МВД России с правоохранительными органами иностранных государств, предусматривающих упрощенный порядок сотрудничества.

Регламент компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска от 30 октября 2015 года, утвержденный Решением Совета глав правительств Содружества Независимых Государств, предусматривает взаимодействие компетентных органов по установлению места нахождения лиц, без вести пропавших и утративших связь с родственниками. В свою очередь, с принятием в 2018 году ведомственного нормативного правового акта о розыске из числа разыскиваемых объектов были исключены лица, утратившие связь с близкими родственниками [8]. Федеральные законы «О полиции» и «Об оперативно-розыскной деятельности» в круг обязанностей сотрудников органов внутренних дел включает только осуществление розыска без вести пропавших. Это привело к тому, что на практике розыск лиц, утративших связь с близкими родственниками, осуществляется как без вести пропавших.

В Договоре государств — участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц дается формулировка пропавшего без вести как исчезнувшего, а лица,

утратившего связь, как не поддерживающего каких-либо отношений с родственниками по различным причинам. Прослеживается явное смешивание этих понятий (т. к. пропавший человек, как и утративший связь, тоже не поддерживает общение с близкими родственниками), несмотря на то что порядок организации и тактики розыска этих лиц различен.

Более детальную конкретизацию этих смежных понятий дает М.М. Николаева и приходит к выводу, что информация об осведомленности заявителя и точном месте проживания пропавшего гражданина является ключевой при разграничении дефиниций. Так, если в сообщении о розыске гражданина была указана информация о постоянном месте жительства (длительном проживании по конкретному адресу) и обнаружении отсутствия гражданина, то мероприятия следует отнести к категории «розыск без вести пропавших».

По нашему мнению, несмотря на некоторые сходства, именно данный признак позволяет разграничить рассматриваемые категории. Поэтому на практике сообщение об утрате связи с родственниками не должно рассматриваться как о пропаже лица без вести.

В этой связи предлагаем внести дополнение в пункт 12 части 1 статьи 12 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ и в обязанности полиции по осуществлению розыска включить категорию «лица, утратившие связь с близкими родственниками».

Исполнение запросов правоохранительных органов иностранных государств о розыске лиц, без вести пропавших на территории Российской Федерации, вовсе не регламентировано ни одним ведомственным актом.

Положение об организации и осуществлении розыска и идентификации лиц закрепляет порядок организации только федерального розыска, не затрагивая вопросы розыска лиц за пределами Российской Федерации. О существовании межгосударственного и международного розыска в приказе имеется лишь упоминание.

Очевидно, что практика оперативных подразделений органов внутренних дел испытывает потребность в разработке единого ведомственного нормативного правового акта, регламентирующего порядок исполнения запросов по розыску лиц, разыскиваемых иностранными правоохранительными органами.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что эффективность розыскной деятельности за пределами страны-инициатора во многом зависит от правильной организации работы

в каждом из государств, задействованных в розыском процессе. Наличие упущений и недостатков правового характера приводит к низкой эффективности результатов международного и межгосударственного розыска лиц.

Примечания

1. О результатах и основных направлениях деятельности Министерства за период с 2015 по 2019 годы. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/results/annual_reports (дата обращения: 15.02.2020).

2. Шаутаева Г.Х. К вопросу о проблемах международного сотрудничества по розыску скрывшихся от следствия и суда подозреваемых и обвиняемых // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 189—190.

3. Результаты анкетирования сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации в 2019—2020 году, проводимого в рамках диссертационного исследования «Правовые и организационно-тактические особенности розыскной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел в условиях международного сотрудничества».

4. Буряков Е.В. Вопросы совершенствования правового регулирования розыскной деятельности // Оперативно-розыскное право: сборник научных статей / отв. ред. Н.В. Павличенко. Волгоград, 2014.

5. Материалы розыскного дела, находящиеся в производстве отделения уголовного розыска Костромского ЛО МВД России на транспорте УТ МВД России по СЗФО.

6. Сборник международных соглашений МВД России. М., 1996. С. 135—212; Бюллетень международных договоров. 2004. № 12. С. 61—66.

7. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. М., 2019. 134 с.

8. Об утверждении Положения об организации и осуществлении розыска и идентификации лиц: приказ МВД России, Минюста России, Минздрава России, МЧС России, МО России, СК России от 1 марта 2018 г. № 117/40/88/82/114/17.

References

1. On the results and main lines of activity of the Ministry for the period from 2015 to 2019. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/results/annual_reports (accessed 15.02.2020). (In Russ.)

2. Shautaeva G.Kh. On the issue of international cooperation in the search for hiding from suspects and accused from the investigation and trial. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 2 (38), pp. 189—190. (In Russ.)

3. The results of a survey of employees of operational units of the internal affairs bodies of the Russian Federation in 2019—2020, carried out as part of the dissertation research “Legal and organizational-tactical features of the search activity of operational units of the internal affairs bodies in the conditions of international cooperation”. (In Russ.)

4. Buryakov E.V. Issues of improving the legal regulation of search activity. *Operative-search law: collection of scientific articles / responsible ed. N.V. Pavlichenko*. Volgograd, 2014. (In Russ.)

5. Investigation materials in the production of the Criminal Investigation Department of the Kostroma LO of the Ministry of Internal Affairs of Russia on transport UT Ministry of Internal Affairs of Russia in the NWF. (In Russ.)

6. Collection of international agreements of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, 1996. Pp. 135—212; *Bulletin of international treaties*, 2004, no. 12, pp. 61—66. (In Russ.)

7. Report on the activities of the Presidential Commissioner for the Rights of the Child. Moscow, 2019. 134 p. (In Russ.)

8. On approval of the Regulation on the organization and implementation of the search and identification of persons: order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ministry of Justice of the Russian Federation, Ministry of Health of the Russian Federation, Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Disaster Management, Minister of Defense of the Russian Federation Federation, Investigative Committee of the Russian Federation dated March 1, 2018 no. 117/40/88/82/114/17. (In Russ.)